

ДЖОН ХАРТ

ТРИЛЛЕР НА ГРАНИ РЕАЛЬНОСТИ

ДЖОН ХАРТ

ВНИЗ
ПО РЕКЕ

Москва

2021

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
X22

John Hart
DOWN RIVER

Text Copyright © 2016 by John Hart.
Published by arrangement with St. Martin's Publishing Group.
All rights reserved.

Харт, Джон.

X22 Вниз по реке / Джон Харт ; [перевод с английского
А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2021. — 448 с.

ISBN 978-5-04-116214-6

У этой реки он стал таким. Здесь, на берегах, затопленных алчностью, позором и кровью, он будет отстаивать не только свое имя, но и свою жизнь.

В детстве Адам пережил нечто, чего не должен переживать никто. Травма перекроила душу, сделала непохожим на других, вечно подозреваемым изгоем. Лишь чудом избежав наказания за убийство, которого не совершал, он исчез из маленького городка на пять лет, растворился в серой безликости Нью-Йорка. А сейчас вдруг вернулся. Никто не знает причин его возвращения. Но когда появляется новый труп, все уверены: ответить за это должен именно Адам...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116214-6

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящается Кэти, как и всегда

Глава 1

Река — одно из самых ранних моих воспоминаний. Главное крыльцо отцовского дома смотрит на нее с невысокого взгорка, и у меня сохранились фотографии, выцветшие и пожелтевшие, моих первых дней на этом крыльце. Я спал на руках у своей матери, сидящей тут в кресле-качалке, играл рядом в пыли, пока мой отец ловил рыбу, и даже сейчас мог представить эту реку, как наяву: медленное бурление красных глинистых струй, ползущие вспять воронки водоворотов под обрывистыми берегами, шелестящий шепот, которым она делится своими секретами с твердым розовым гранитом округа Роуан... Все, что сформировало меня, произошло возле этой реки. Я потерял свою мать на виду у нее, встретил свою первую любовь на ее берегах. Я до сих пор мог ясно ощутить, как она пахла в тот день, когда отец спровадил меня отсюда. Эта река стала частью моей души, и мне уже казалось, что я потерял ее навсегда.

Но все имеет свойство меняться — вот что я твердил себе. Забываются прошлые ошибки, прощаются давние обиды. Вот это-то и привело меня домой.

Надежда.

И гнев.

Я провел без сна уже тридцать шесть часов, десять из которых просидел за рулем. Неделями не находил себе места, не спал ночами — и это решение потихоньку прокралось в меня, будто вор. Я никогда не собирался воз-

вращаться в Северную Каролину — навеки похоронил ее, — но не успел и глазом моргнуть, как вот мои руки уже лежат на руле, а Манхэттен тонущим островом проваливается за горизонт на севере. На лице у меня недельная щетина, на плечах — джинсовка, из которой я не вылезал три дня, я охвачен таким напряжением, что граничит с болью, но любой здесь узнает меня с первого же взгляда. На то они и родные места, к лучшему это или к худшему.

Едва впереди показалась река, как нога сама собой слетела с педали газа. Солнце все еще низко висело над деревьями, но я чувствовал, как оно упорно лезет вверх, ощущал его жесткий, жаркий напор. Остановив машину на дальней стороне моста, ступил на раскрошенный гравий и опустил взгляд на реку под названием Ядкин. Зарождающаяся где-то в горах, она протянулась через просторы обеих Каролин. В восьми милях от того места, где я стоял, река касается северного края фермы «Красная вода» — земли, которой наше семейство владело с тысяча семьсот восемьдесят девятого года. Еще миля, и вот она уже скользит мимо дома моего отца.

Мы не общались целых пять лет, мой отец и я.

Но не по моей вине.

Прихватив с собой на берег банку пива, я встал в самом низу. Под растрескавшийся мост убежала полоска гладкой земли, усыпанной речным мусором. Ивы нависали над самой водой, и я заметил привязанные к их нижним ветвям пластиковые молочные канистры, подпрыгивающие на течении. Где-то там под ними, в слое ила, скрывались крючки, и одна из канистр сидела в воде совсем низко. Глядя, как она двигается, я с треском открыл пиво. Белая емкость погрузилась еще глубже и повернула против течения. Двинулась вверх по реке, оставляя за собой острый треугольный след. Ветка дернулась, и канистра остановилась — на белесом пластике заиграли красноватые отсветы от реки.

Прикрыв глаза, я подумал о тех, кого был вынужден покинуть. После стольких лет я ожидал, что их лица

поблекнут, а голоса истончатся, потеряют выразительность и объем, но это оказалось не так. Воспоминания затопили меня с головой, ошеломляюще живые и яркие, и я ничегошеньки не мог с этим поделать.

Больше мне это было не под силу.

Выбравшись из-под моста, я наткнулся на малолетнего мальчишку на запыленном велике. Он опирался одной ногой о землю, нерешительно улыбаясь. Лет, может, десяти, в продранных джинсах и расхлябанных высоких кедах. С плеча на завязанной узлом веревке у него свисало ведро. Моя большая немецкая машина по соседству с ним выглядела космическим кораблем из иной галактики.

— Чудесное утречко, — сказал я.

— Да, сэр. — Он кивнул, но с велика не слез.

— На донку ловишь? — спросил я у него, махнув рукой вниз на ивы.

— Поставил вчера две штуки, — отозвался мальчуган.

— Там же их три.

Он помотал головой.

— Одна папина. Это не считается.

— Там на средней вроде что-то увесистое.

Его лицо осветилось, и я понял, что это его собственная снасть, а не его старика.

— Может, подсобить? — спросил я.

— Нет, сэр.

В детстве я частенько таскал из этой реки сомов, и, судя по тому, как средняя канистра недвижимо напруглась в воде, ему наверняка предстояло иметь дело с настоящим чудовищем — обтянутым глянцевой черной шкурой, всосавшимся в придонный ил зверем, который мог легко потянуть фунтов на двадцать¹.

— Ведро-то не маловато? — сказал я ему.

— А я его прямо тут разделаю.

¹ 20 фунтов — чуть больше 9 кг; 1 фунт — 0,454 кг. — *Здесь и далее прим. пер.*

Его пальцы гордо двинулись к тонкому ножу на ремне — к захватанной деревянной рукоятке с бледными, вытертыми до блеска металлическими заклепками. Ножны были из черной кожи, с паутиной белых трещинок там, где он не смазал их должным образом защитной пропиткой. Парнишка разок коснулся рукоятки, и я ощутил его нетерпение.

— Ну ладно тогда. Удачи.

Я обошел его по широкой дуге, а он так и не слез со своего велика, пока я не отпер машину и не забрался за руль. Пацан перевел взгляд с меня на реку, и улыбка расползлась по его лицу, когда он перекинул тонкую ногу через седло. Выезжая на дорогу, я глянул на него в зеркало заднего вида — на запыленного мальчишку в бескрайнем, залитом мягким желтым светом мире.

Почти припомнилось, каково это.

* * *

Где-то через милое солнце уже жарило на всю катушку. Это было уже слишком для моих воспаленных глаз, и я надел темные очки. Нью-Йорк научил меня, что такое жесткий камень, узкие пространства и серые тени. Здесь же все было так открыто! Так пышно! Нужное слово копошилось где-то в глубине головы.

«Первозданно».

Так чертовски первозданно!

Почему-то я про это забыл, а это было плохо в большем числе смыслов, чем я смог бы подсчитать.

После нескольких сменяющих друг друга поворотов дорога сузилась. Нога придавила педаль, и у северного края фермы своего отца я уже валил все семьдесят¹ —

¹ 70 и 80 миль в час — 113 и почти 130 км/ч соответственно; ограничение скорости в Северной Каролине вне населенных пунктов составляет 55 миль в час на обычных шоссе и 70 миль в час на автострадах.

просто не смог удержаться. Земля вокруг была вся в рубцах от эмоций. От любви и потери и тихой, разъедающей душевной боли. Мимо пролетел въезд — распахнутые ворота и длинный проселок, уходящий в холмистую зелень. Стрелка коснулась восьмидесяти, и все плохое рассыпалось в прах, так что едва ли я смог бы различить и все остальное. То, чего было хорошего. Годы перед тем, как все развалилось на куски.

Через пятнадцать минут показалась городская черта Солсбери, где я сбросил газ и потащился еле-еле, натянув на глаза бейсболку, чтобы скрыть лицо. В моей одержимости этим местом есть что-то нездоровое, я знаю, но оно было моим домом, и я любил его, так что решил проехать через город, чтобы проверить это. Он остался столь же историческим и богатым, столь же маленьким и южным, и я подумал: интересно, до сих ли пор этот город чувствует, каков я на вкус — даже сейчас, через столько лет после того, как он разжевал меня и с отвращением выплюнул?

Я проехал мимо перестроенной железнодорожной станции и старых особняков, набитых деньгами, отворачивая лицо от мужчин на знакомых скамейках и женщин в ярких нарядах. Остановившись на светофоре, посмотрел, как адвокаты возносят пухлые портфели вверх по широким ступенькам, а потом свернул влево и притормозил прямо перед зданием суда. Я мог припомнить глаза каждого из присяжных, ощутить шершавую фактуру дерева на столе, за которым просидел три долгие недели. Если б сейчас закрыл глаза, то мог бы легко представить толчею на ступеньках суда, почти физическое, словно ожог от пощечины, ощущение от яростных слов и сверкания гневно оскаленных зубов.

Невиновен.

Это слово спустило с поводка ярость.

Бросил на здание суда последний взгляд. Все это было, и было глубоко несправедливо, и мне никак не

удавалось справиться с горящими во мне обидой и возмущением. Пальцы впились в руль, день перекосялся, а грудь настолько переполнилась гневом, что показалось, будто этот гнев вот-вот задушит меня.

Покатил к северу по Мейн-стрит, потом к западу. Через пять миль впереди показался мотель «Верный». Что совершенно неудивительно, за время моего отсутствия он лишь продолжал свое снижение по придорожной спирали к полнейшему упадку. Лет двадцать назад заведение процветало, но поток приличных постояльцев постепенно сошел на нет, когда церковные мамыши и священнослужители вбили осиновый кол в сердце расположенной прямо через дорогу развеселой придорожной закусочной «Три икса», где заезжающих автомобилистов обслуживали едва одетые девицы на роликах. Теперь мотель представлял собой натуральную дыру — длинную череду обшарпанных дверей с почасовой и понедельной оплатой и гастарбайтерами, напиханными по четыре человека в комнату.

Я знал парня, чей отец владел этим мотелем, — Дэнни Фэйта, мы с ним в свое время крепко дружили. Выросли вместе, частенько весело проводили время. Он пользовался репутацией дебошира и пьяницы и толком нигде не работал — лишь иногда в сезон мог подкалымить на ферме. Три недели назад Дэнни позвонил мне — первый человек, который вышел со мной на связь после того, как меня с позором вышибли из города. Понятия не имею, как он меня нашел, но вряд ли это было такой уж сложной задачей. Дэнни — надежный малый, хорош в случае какой-нибудь заварушки, но далеко не великий мыслитель. Он позвонил мне с просьбой о помощи и попросил вернуться домой. Я ответил ему отказом. Дом был для меня потерян. Целиком и полностью. Навсегда.

Но тот телефонный звонок был только началом. Дэнни и понятия не имел, какие это будет иметь последствия.

Парковка перед длинным приземистым строением представляла собой обычную земляную площадку. Я вырубил мотор и прошел за грязную стеклянную дверь. Оперся локтями о стойку и изучил единственный предмет декора — здоровенный гвоздь с дюжиной пожелтевших освежителей воздуха в виде елочек. Повел носом, не ощутив ничего похожего на хвою, и посмотрел на пожилого латиноамериканца, выходящего из подсобки — с хорошо ухоженными волосами, в кардигане под Мистера Роджерса¹, со здоровенным куском бирюзы, свисающим с шеи на кожаном ремешке. Его глаза скользнули по мне с отработанной непринужденностью, и я понял, что он увидел. Парня лет под тридцать, высокого, крепко сложенного. Небритого, но с хорошей стрижкой и при дорогих часах. Без обручального кольца. Костяшки на пальцах основательно сбиты и в шрамах.

— Да, сэр? — произнес он уважительным тоном, который в этом месте обычно был редкостью. Опустил взгляд вниз, но я заметил, как прямо он держит спину, ощутил полную неподвижность его маленьких пергаментных рук.

— Я ищу Дэнни Фэйта. Скажите ему, что Адам Чейз спрашивает.

— Дэнни уехал, — отозвался старик.

— А когда вернется? — Я с трудом скрыл разочарование.

— Нет, сэр. Его уже три недели как нет. Не думаю, что он вернется. Впрочем, его отец по-прежнему тут хозяин. Могу позвать его, если хотите.

¹ Мистер Роджерс (Фред Роджерс, 1928–2003) — американский телеведущий, музыкант, кукольник, сценарист, продюсер и пресвитерианский проповедник. На экране обычно появлялся в ярко-красном или синем вязаном кардигане с галстуком.

Я попытался все это осмыслить. Округ Роуан производит только два вида людей: тех, что рождены оставаться здесь до скончания своих дней, и тех, кто должен покинуть эти края при первой же возможности. Дэнни принадлежал к первой категории.

— А куда уехал? — спросил я.

Старик пожал плечами — утомленно поджав губы и разведя руками.

— Он ударил свою подружку. Она выпала на улицу вон через то окно. — Мы оба посмотрели на стекло у меня за спиной, и он еще раз, едва ли не на французский манер, пожал плечами. — Здорово порезала лицо. Подала на него заявление в полицию, а он смылся. С тех пор никто его тут в округе не видел. Ну так как, позвать мистера Фэйта?

— Нет.

Вариант с родной фермой сейчас даже не рассматривался — я слишком устал, чтобы провести за рулем еще хотя бы секунду, и пока не был готов иметь дело с собственным отцом.

— Найдется комната?

— *Si*¹.

— Тогда просто дайте мне комнату.

Старик опять оглядел меня с головы до ног.

— Вы уверены? Вы хотите комнату *здесь*? — Он уже во второй раз раскинул руки.

Я вытащил бумажник и положил на стойку столондаровую купюру.

— *Si*, — сказал я ему. — Именно здесь.

— Надолго?

Его глаза не были направлены ни на меня, ни на купюру — нацелились они на мой бумажник, который едва ли лопался от банкнот крупного достоинства. Я закрыл его и сунул в карман.

¹ Да (*исп.*).

— До вечера пробуду.

Он взял сотню, выдал мне семьдесят семь долларов сдачи и сказал, что тринадцатая комната свободна, если меня не смущает номер. Я заверил его, что несколько не смущает. Старик выдал мне ключ, и я ушел. Он наблюдал за мной, пока я переставлял машину к концу здания.

Я вошел, накинул цепочку.

В комнате пахло сыростью и шампунем — наверное, последний постоялец перед отъездом принимал душ, — но здесь было темно и тихо, и после суток без сна это меня вполне устраивало. Я сдернул покрывало с кровати, стряхнул с ног туфли и повалился на ветхие простыни. Вскользь подумал про надежду и гнев: интересно, какое из этих чувств во мне сейчас сильнее? Ни один из вариантов не выглядел однозначным, так что пришлось принять волевое решение. Надежда, решил я. Я про-снулся с чувством надежды.

Едва я закрыл глаза, как комната перекосилась. Я словно взмыл вверх, поплыл, а потом все вдруг разом рассыпалось в пыль, и я окончательно отключился, оказавшись вне места и времени, будто никогда и не возвращался.

* * *

Проснулся я со сдавленным звуком в горле. Перед глазами по-прежнему стояла все та же картинка — кровь на стене, темным полумесяцем протянувшаяся к полу. Услышал глухие удары, не понимая, где я, и дико оглядел полутемную комнату. Тоненький ковер вздыбился под ножками выдавшего вида кресла. Из-под края занавески на пол падала узенькая полоска слабого света. Стук прекратился.

Кто-то стоял у двери.

— Кто там? — хрипло спросил я.

— Зебьюлон Фэйт!